

О СРЕДСТВАХ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА В ДАРГИНСКИХ НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИХ СКАЗКАХ

Алиева Фатима Абдуловна

ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный
исследовательский центр Российской академии наук,
(г. Махачкала)
aisha.1402@mail

ON THE MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF THE IMAGE IN DARGINIAN SHORT-STORY TALES

F. Aliyeva

Summary: Short-story fairy tales are a genre variety of household fairy tales in the folklore of the Dargins, one of the ethnic nationalities of the Republic of Dagestan. They are characterized by their ideological, thematic, compositional, and other artistic features. They are distinguished by the relative development of the techniques of individualization of the folklore image, the desire to describe the appearance and characterization of the characters. The purpose of this article is to show by the method of philological and comparative historical analyses on the specific material of the artistic structure of several short-story fairy tales of the Dargins, which means of individualization of the image the narrator resorts to in describing and revealing the fairy-tale hero.

The subject of this study is the Darginian fairy tales as one of the most interesting genres of the fabulous epic, which has absorbed the age-old folk wisdom, talent, aspirations, and expectations of the people. The object of the study is novelistic fairy tales, which reflect the artistic techniques of individualization of the image. The relevance of the problem under study is determined by the increased interest in the spiritual values of the past at the present stage of the development of folklore studies. Its novelty is expressed in the fact that it highlights this issue for the first time on the material introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Darginian folklore, fairy tale epic, short story tale, images, dialogue, speech characteristics, composition, structure.

Аннотация: Новеллистические сказки – жанровая разновидность бытовых сказок в фольклоре даргинцев – одной из этнических народностей Республики Дагестан. Они характеризуются своими идейно-тематическими, композиционными и другими художественными особенностями. Их отличает относительная развитость приемов индивидуализации фольклорного образа, стремление к описанию внешности и характеристике действующих лиц. **Цель данной статьи** – методом филологического и сравнительно-исторического анализов на конкретном материале художественной структуры ряда новеллистических сказок даргинцев показать, к каким средствам индивидуализации образа прибегает рассказчик в обрисовке и раскрытии сказочного героя.

Предметом данного исследования послужили даргинские сказки как один из интереснейших жанров сказочного эпоса, вобравший в себя вековую народную мудрость, талант, чаяния и ожидания народа.

Объектом исследования являются новеллистические сказки, в которых нашли отражение художественные приемы индивидуализации образа.

Актуальность исследуемой проблемы определяется возросшим интересом на современном этапе развития фольклористики к духовным ценностям прошлого. Её новизна выражена в том, что в ней впервые освещается данный вопрос на материале, вводимом в научный оборот впервые.

Ключевые слова: даргинский фольклор, сказочный эпос, новеллистическая сказка, образы, диалог, речевая характеристика, композиция, структура.

Новеллистические сказки в фольклоре даргинцев представляют собой одну из жанровых разновидностей бытовой сказки, которой присущи свои собственные особенности, своя специфика, проявившаяся как в её сюжетно-тематическом содержании, так и в системе её художественных приёмов и средств. К одним из таких приёмов в них относятся средства создания главного героя. Как известно, фольклорный образ, в отличие от литературного, не индивидуализирован. Исследователи-фольклористы отмечают: «В фольклорных произведениях основное место занимает характеристика героев в широком «укрупненном» плане... Черты же индивидуальной психологической характеристики в фольклорных героях обычно едва намечены и занимают в произведениях второстепенное место, так как в творческом сознании народа на первом месте был общенародный герой, а не отдельная личность [1, с. 5–13].

Ряд исследователей, занимающихся проблемами сказки, её происхождения, специфики, особенностей поэтической системы, а также и приёмами типизации сказочного героя – Соколов Ю.И., Померанцева Э.В., Аникин В.П., Новикова А.М., Ведерникова Н.М., Гусев В.Е., Кравцов Н.И. и другие, отмечают, что фольклор и литература – две самостоятельные области, которые, развиваясь и совершенствуясь, сосуществовали отдельно в течение ряда веков. Отличительным свойством фольклора является архаичность. А.М. Новикова подчеркивает, что «процесс создания народных произведений является глубоко самобытным. В отличие от творчества писателей, закреплявших за собой авторство и датировавших свои произведения, народное поэтическое творчество всегда было устным и анонимным... Народ понимал и принимал только такого положительного героя, который был ему близок и дорог всеми его качествами. Поэтому в образах героев фольклорных произведений основное место за-

нимают обобщенно типическая характеристика» [1, с. 9].

А.М. Новикова также отмечает: «В фольклорных произведениях положительные качества героев раскрывались главным образом в их поведении, действиях, поступках. Глубокая психологичность, внутренняя сложность характеров им не была свойственна. Основным принципом создания фольклорных образов было их резкое разделение на идеально положительных и отрицательных (герои-воины в былинах и их враги, крестьянский герой и помещик-крепостник, злая мачеха и невинная падчерица») [1, с.10].

Вместе с тем в ряде фольклорных произведений новеллистического характера возможно отступление от канонов фольклорной типизации героев. То есть, если герой проявляет себя в поступках и действиях, то они же и характеризуют его образ, углубляя его и дополняя отдельными деталями, штрихами.

Рассмотрим некоторые тексты новеллистических сказок, в которых, на наш взгляд, более всего прослеживается своеобразие фольклорной типизации. Обратимся к анализу новеллистической сказки «Раз ты остался жив, мне ничего не нужно» [2, с. 410–414]. Её зачин в целом вполне типичен для бытовой сказки, в ней приводятся реалистические описания жизни и быта девушки, которая была из богатой семьи, но всем женихам отказывала.

В контрасте с ней сообщается о парне-сироте, который был очень беден, но все в селе его любили, «души в нем не чаяли за его доброту и мягкий характер» [2, с. 411].

По характеру дальнейшего повествования и излагаемых событий сказка имеет назидательную направленность, о чем свидетельствуют последующие действия и поступки сказочной героини. Так, девушка, которая была равнодушна к богатым женихам, влюбилась в этого скромного и бедного парня. Как ни старались её родители препятствовать их браку, она все же настояла на своем и вышла за него замуж. Родители девушки дали их хорошее приданое, и молодые счастливо зажили. У них появилось много друзей, но пока был достаток, друзья не убавлялись, а когда исчез достаток, друзей становилось все меньше и меньше.

Однажды к ним пришел погостить их давний друг, и кроме последнего барашка, у них ничего не было. Жена говорит мужу: «Давай зарежем нашего последнего барашка, чем иметь его, лучше оказать почести нашему другу, принять его, как положено» [2, с. 412]. Зарезали они последнего барашка и хорошо приняли гостя. Теперь уже в доме ничего не осталось, и тогда жена отдала мужу свои золотые изделия – кольца, браслеты и говорит ему: «Продай их на базаре и купи все, что ты захочешь» [2, с. 413].

С этого момента в повествование вводятся новые сюжетные ходы, новые эпизоды, которые демонстрируют истинное отношение жены к своему мужу. Удрученная отсутствием денег, жена решила продать на базаре свои золотые украшения, доставшиеся ей от своих родителей.

Продав все, что у него было, муж решил вернуться домой в надежде обрадовать жену вырученными деньгами. И тут он увидел, что на базаре продают корову. Думая, что корова очень пригодится в их хозяйстве, она будет давать молоко, а он будет его продавать на базаре, и так они улучшат свое материальное положение, он, купив корову, радостный, возвращался домой, и тут увидел – посреди базара продают быка.

Бык ему очень понравился, да и цена тоже его устроила. Выводя быка с базара, он увидел – посреди базара стоит лошадь.

Убедившись, что лошадь здоровая и крепкая, он попросил продавца обменять ее на быка. Хозяин не стал возражать и с легкостью, отдав лошадь, взял быка. Сев на лошадь, он собрался домой. И тут он увидел, что на базаре продают папаху из бухарского каракуля. Папаха ему так понравилась, что он, забыв о лошади, слез с нее и подошел к продавцу, чтобы спросить, сколько стоит его папаха. Продавец назвал цену, парень отдал лошадь, взял папаху и отправился в свое село. Удивленные базарные торговцы последовали за ним, чтобы узнать, что же будет дальше.

Но парень, довольный тем, что приобрел папаху из бухарского каракуля, остановился у реки попить воды. Когда он наклонился к воде, папаха слетела с головы, и вода её унесла.

Опечаленный случившимся, он, сидя у реки, стал думать, что же делать дальше. К нему подошли торговцы, видевшие, как река унесла его папаху и один из них говорит ему:

— Представляем, как будет огорчена твоя жена такими поступками!

— Нет, – отвечает парень, – не будет она огорчена!

— Будет! – стал возражать тот.

И они пошли на спор: что же скажет ему жена после всех его приключений?! [2, с. 412]

Торговцы были готовы оставить ему всех своих лошадей и весь товар вместе с ними, если жена не станет его ругать и выдвинули ему свои условия: самому отдать им столько же, если жена станет его ругать.

«И вот они пошли к дому парня. Увидев мужа, вернувшегося с базара, жена спрашивает его:

— Ну как, ты доволен торговлей?

— Доволен! – ответил он

И стал подробно рассказывать о том, что он купил за то золото, которое она ему дала.

— Продав все украшения, я купил корову, – говорил он.

— Ты очень правильно поступил, мой муж, корова в хозяйстве всегда нужна! – говорит она.

— «Но корову я променял на быка!» — сказал он.

— Ты правильно сделал, что поменял корову на быка.

Бык в хозяйстве особенно нужен!

— Быка я променял на лошадь, – продолжал муж.

— Ты очень правильно поступил, мужчине всегда нужна лошадь!

— «А лошадь я променял на папаху из бухарского каракуля!» — говорит ей муж.

— Ах, это самый правильный поступок, на голове у храбреца всегда должна быть папаха! – отвечает ему жена.

Далее он продолжает свой рассказ «... По дороге меня замучила жажда и, когда я нагнулся к реке напиться воды, мою папаху унесла река».

И в эту минуту услышав слова мужа, жена вскочила и бросилась ему на шею со словами: «Пусть папаху унесла река, лишь бы ты остался жив и с тобой ничего не случилось, мне больше ничего не нужно!» [2, с. 413].

Как видим, изложенные в сказке события, вполне реальные и достоверные, в итоге подчинены одной цели – показать преданность жены своему мужу. Что бы он ни сделал, как бы ни поступил, потратив последние деньги на ненужные вещи, она все его поступки одобряет, каждый раз говоря: «Ты правильно сделал! Мужчине нельзя быть без лошади, без папахи и т. д.». Сказка в своей концовке поучительна, дидактична. В ней подчёркивается мысль о том, что семейный лад достигается на основе любви, уважения и равенства супругов.

В сюжете присутствуют и элементы неожиданности: герой, купив корову, меняет её на быка, затем быка меняет на лошадь, лошадь меняет на цудахарскую папаху, которой все же лишается, уронив её в реку. Герой приходит домой к жене ни с чем, но те самые торговцы, поспорившие с ним, что жена не одобрит его поступков, убедившись в обратном, согласно их спору, все свое добро отдают ему. Так, явная нелепость и глупость героя на деле оборачиваются для него благополучным исходом, удачей.

Мы привели весь текст сказки с той целью, чтобы показать, что её структурные и стилистические особенности более сложны по построению; в них встречаются неожиданности и случайности, обусловленные спецификой жанра, её тематическим содержанием.

Эта сказка интересна тем, что лежащий в её основе мотив мены, фактически способствует раскрытию сущности героев, их характеристике. Сюжеты таких сказок разворачиваются в реальной обстановке, чаще всего в них разрабатываются картины семейной жизни, где герои не дают себя в обиду и очень часто выходят сухими из воды. Они не во всех случаях воплощают положительные идеалы народа, но им характерны находчивость, ловкость, хитрость, которые приносят им удачу. Герой сказки, прогадавший при обмене случайных покупок и оставшийся ни с чем, в конечном счете одаривается торговцами, которые в споре с ним проиграли и были вынуждены все свое добро отдать ему. Аналогичная си-

туация складывается и в русской сказке «Иванушка-дурачок» [3, с.195 – 197] все нелепые и бессмысленные поступки которого на деле приносят ему удачу.

Один из эпизодов сказки следующий: родители послали Иванушку-дурачка на базар за разными покупками. Он купил стол, горшки, корчаги, блюда, мешок соли, всякие яства – купил все без разбора. Возвращаясь с покупками, он заметил, что лошадь тяжело ходит и, подумав, что ей, наверно, тяжело нести такой груз на спине, мол, и у стола есть тоже четыре ноги, значит, как и лошадь, сам пойдет.

Далее, услышав карканье ворон, он подумал, что они голодные и выставил перед ними все купленные яства. Затем, увидев обгорелые пни, он их прикрыл горшками и корчагами, чтобы не замерзли. Желая напоить лошадь, он высыпал мешок соли в реку, но она не стала пить соленую воду, тогда он ударил её кулаком по голове и убил. Так, дурачок своими нелепыми действиями настроил против себя братьев, но в результате презираемый всеми дурак на деле оказывается умнее всех. Герой здесь только создает видимость «простака», «дурака», а на самом деле – он носитель разума, догадки, находчивости, остроумия, житейской мудрости, опытности и т. д. [3, с. 196].

Мнимый Иван-дурак в волшебных сказках, становится в новеллистических, как в социально-бытовых сказках, подлинным дураком, чья доверчивость и доброта, сердечная отзывчивость к чужому страданию предстают как незнание жизни и прямая глупость [3, с. 195].

Характерная особенность приведенной сказки заключается в том, что в ней можно отметить стремление к описанию характера действующих лиц за счет речевой характеристики, выраженной в развернутых и пространственных диалогах, в которых нередко прослеживаются черты индивидуализации персонажей.

Именно диалоги позволяют показать черты характера героев, проследить его индивидуальность.

В репертуаре даргинских новеллистических сказок выделяются и такие сюжеты, в основе которых лежит авантюрная интрига, то есть прием, который называется «сознательно подстроенная ситуация». В этом плане особый интерес представляет сюжет сказки «Как Гаджи обманул жадного Асилбега» [2, с. 202–207]. В своей основе сказка представляет собой вариант бытовой новеллистической, основанной на авантюрной интриге. Отделить её от социально-бытовой сказки порой затруднительно, так как и те, и другие, как правило, полны подробностей, неожиданностей, по композиции они резко отличаются от художественной структуры волшебной или бытовой сказок.

В сказке «Как бедняк обманул жадного Асилбега» по-

вестуется об одном бедном человеке, которого звали Уцай. Он жил тем, что собирал в диком лесу Куду (вымышленное название) хворост, с трудом приносил его на базар, продавал их жителям села Айдарланд, две три денег отдавал на содержание семьи, одну часть с трудом откладывал, чтобы купить себе осла. Наконец, набрав нужную сумму, он задумался: накоплю-ка я еще немного денег и вместо осла куплю себе коня [2, с. 202].

Итак, думая о том, что с трудом по копейке накопленные деньги он может израсходовать на неожиданные нужды, в его голове завертелись мысли, что он может остаться и без осла. Наконец Уцай пришел к решению: отдать их на хранение Асилбегу, поскольку он человек не лживый, боится греха и Аллаха, честно вернет мне их тогда, когда я решу купить коня».

И все эти собранные деньги он отдал на хранение Асилбегу. Его друг Гаджи, узнав об этом, пришел к Уцаю и говорит ему:

— «Послушай-ка меня, Уцай, почему ты с таким трудом собранные деньги отдал Асилбегу, этому жадному человеку, который всегда обманывает бедных людей? Он же не вернет твоих денег. Он начнет бить тебя». Гаджи предложил Уцаю разыграть такую сцену: вначале пойти к Асилбегу и сказать, что хочет купить осла, а не коня, сказать ему: Асилбег, верни мои деньги, а тот накинулся на него. Уцай увернулся от удара и пошел к Гаджи рассказать ему обо всем.

Гаджи говорит ему: «Я же говорил тебе, что он откажется признать, что брал у тебя деньги и тебе достанется сполна». Гаджи пошел к Асилбегу и разыграл перед ним сцену. Он начал издали, что деньги не должны лежать без движения, они бесполезны, что якобы, он нашёл кувшин золота «вот такой большой...». И поднял, чтобы показать какого размера был кувшин.

Увидев его поднятую руку, Гаджи понял это как знак к действию. Уцай подошёл поближе к Асилбегу и говорит: «Асилбег, верни мои деньги, отданные тебе на хранение. Их хватит для купли осла, я уже не хочу коня». Асилбег в это время думая, что этот дурачок своими разговорами может лишиться его большой казны, набросился на Уцая: «Уходи долой с моих глаз и забирай свои деньги, мне они не нужны» [2, с. 206].

Диалог в этой сказке выполняет большую художественную функцию:

Он особенно показателен в тех случаях, когда речь идет об отрицательном персонаже: в его словах, речи выступают такие выражения, которые характеризуют его жадность, скупость, стремление к наживе, желание присвоить чужое добро.

Так, благодаря хитрости, ловкости, изворотливости, Уцаю удалось добиться того, чтобы Асилбег вернул ему его деньги.

Сказка «Шахбан и Хаччу» (Записано нами в 1989 году в сел. Сутбук Дахадаевского района Республики Дагестан. Хр. в РФ ИЯЛИ, ф. 9, оп. 1, Д. 305) так же интересна своим построением, типом сюжета, образами, конфликтами, сценами народной жизни. Её герои, как и в предыдущих сказках, живут в реальном мире, в действительности. Как жанровая разновидность бытовой сказки, данная сказка характеризуется особенностями композиции и стиля, речевыми оборотами и т. д.

Герои сказок в ней точно социально детерминированы, и в этом сказывается не только её демократическая направленность, но, как подчеркивает Н.М. Ведерникова, «само указание социального и имущественного положения персонажей уже есть известная характеристика, обусловленная устойчивыми народными представлениями [5, с. 92].

Действие в ней развивается в привычной обстановке с типичным зачином, характерным для сказок данного типа: «В одном селении...», «в одной семье...», «в одном лесу...».

Так, в названной сказке описывается бедственное положение одной семьи, в которой муж по имени Шахбан с утра до вечера собирал в лесу хворост, продавал его на базаре, или плел из них корзины и тоже их продавал, чтобы прокормить свою семью. Детей у них не было, и некому было им помочь; так незаметно подкралась к ним старость.

Чтобы как-то выйти из положения, муж решил продать единственную корову. Жена Хаччу стала возмущаться, но муж не послушался её и вывел корову на базар. Навстречу ему шёл один кубачинец (житель сел. Кубачи Дахадаевского района) он говорит Шахбану: – «Отдай эту корову мне, а я тебе за это дам много золота и серебра! Я покажу тебе место, где зарыто много золота и серебра, бери, сколько захочется». Шахбан поверил ему, и отдал ему корову, а кубачинец объяснил ему как найти то место.

Он подробно описал Шахбану, что золото зарыто в стороне горы Цицце, где он увидит большое дерево, надо пройти дальше – увидит дерево поменьше, еще пройти немного и увидит небольшой куст, там надо раскопать яму, и он увидит то, что ему обещано. Шахбан вернулся к жене и говорит: «Я отдал корову одному глупцу, который вместо нее дает много золота и серебра» [4].

Сказка в дальнейшем повествовании насыщена диалогом между мужем и женой. В нём много эмоциональных выражений, возгласов, реплик например, жена Хаччу стала ругать своего мужа, поверившего в то, что где-то под деревом может быть зарыто много золота и серебра. Она его называет «дураком», «безумцем», «глупцом», причитая при этом: «Какой глупец станет показывать место, где закопаны золото и деньги», и только такой дурак, как он, может поверить в это!

Шахбан, не обращая на нее внимания, стал рыть там, где ему сказал тот кубачинец. Рыл, рыл и вдруг его лопата наткнулась на что-то твердое. «Нашел! Нашел! – закричал он, – «Вот они! Вот они!» [4]. Они увидели в земле чашку, а в ней много монет – золотых и серебряных. Обрадовались муж с женой и стали спорить – взять все домой, или оставить часть в земле.

Жена опять стала ворчать: как можно оставлять деньги в земле! Она взяла чашку с деньгами и принесла домой.

Молва об их находке облетела все село и дошла до хана. Он потребовал принести к нему все, что они нашли.

Однако жена оказалась прозорливой. Предвидя эту ситуацию, что хан позарится на найденное добро, она с вечера сварила халву, разложила её кусками на крыше и кричит мужу:

— Эй, Шахбан, вставай скорее, посмотри, из халвы дождь пошёл!

Оба вышли на крышу и стали собирать халву. А когда хан стал требовать у них найденное добро, Хаччу раскричалась: какое золото, какое серебро! Не было ничего, мой муж дурак! Он ещё придумает, что в ту самую ночь шел дождь из халвы! «Да! Да!», именно в ту ночь пошел дождь из халвы!», – закричал Шахбан.

Все люди стали смеяться и называть его дураком, так как какой может быть дождь из халвы?!

Так жена смогла уберечь найденное добро и одурачить ханских слуг.

В сказке, через сюжетные ситуации, диалог, вырази-

тельные обороты, показаны характеры героев мужа и жены: доверчивость мужа, поверившего в то, что можно в земле раскопать клад, и находчивость, смекалку жены, одурачившей хана и его слуг, которым так ничего и не досталось.

Итак, мы рассматривали лишь некоторые, наиболее показательные сюжеты новеллистических сказок, в которых использованы различные способы индивидуализации героев: это разнообразные сюжетные ситуации, ходы, средства композиционного построения, диалоги, в которых использованы речевые обороты, выражения, определенно характеризующие героев.

В новеллистических сказках широко использован прием «сознательно подстроенной ситуации», который также способствует раскрытию образа, чаще всего отрицательного.

Подобная сознательно подстроенная ситуация нередко выглядит как авантюрная интрига, которая и развивает сюжет, движет действие, что мы и наблюдали в сказках «Как Гаджи обманул жадного Асилбега», «Шахбан и Хаччу» и др.

Все сказанное свидетельствует о том, что для новеллистических сказок бытового содержания в рамках самого жанра характерны разнообразные способы индивидуального образа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новикова А.М. Своеобразие народного поэтического творчества. С. 5–13. В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Под ред. проф. А.М. Новиковой и проф. А.В. Кокорева. Изд-во «Высшая школа», Москва, 1969. 520 с.
2. «Свод памятников фольклора народов Дагестана» в 20-ти томах. Под ред. акад. Г.Г. Гамзатова. М.: «Наука», 2011; т. 3 Бытовые сказки / отв. сост. Ф.А. Алиева; отв. ред. А.М. Аджиев, М.: Наука, 2013. 653 с.
3. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в трех томах. Т. 3. С. 195–197. Изд-во «Academica» 1936–1940. Госполитиздат, 1957.
4. Записано нами в 1989 г. от А. Магомедовой в сел. Сутбук Дахадаевского района Республики Дагестан. Хр. в РФИЯЛИ, ф. 9 оп. 1. Д. 305
5. Ведерникова Н.М. Русская народная сказка. Изд-во «Наука», Москва, 1975. 186 с.
6. Кайев А.К. Сказки. с. 155–205. В кн.: Русское народное поэтическое творчество под ред. проф. А.М. Новиковой и проф. А.В. Кокарева. Изд-во «Высшая школа», Москва. 520 с.

© Алиева Фатима Абдуловна (aisha.1402@mail).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»